

О МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ В РУССКОМ, СЕРБСКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ*

«Posmatrana u svetlu teorije semantičkih lokalizacija određenost ili neodređenost znači da se izvesna jezička informacija, sadržana u rečenici ili u nekom njenom delu, poredi sa mentalnim iskustvom učesnika u komunikaciji i kvalifikuje se kao nešto što je već lokalizovano u njihovom mentalnom iskustvu (= određenost), ili se nalazi izvan njihovog mentalnog iskustva (= neodređenost). U tom smislu *određenost ili neodređenost je neka vrsta kognitivne lokalizacije informacije koja se iskazom saopštava tako da se ona smešta UNUTAR sfere poznatog ili u sferu nepoznatog, tj. IZVAN sfere poznatog, za šta je merodavno govorno lice. Iz toga se dosta jasno vidi da su elementi minimalnog situativnog okvira (tj. kategorijalne situacije) sintaksičke realizacije semantičke kategorije određenosti ili neodređenosti: (a) informacija sadržana u iskazu, kao objekat kognitivne lokalizacije, (b) znanja učesnika u komunikaciji, kao kognitivni lokalizator i (v) odnos koji se među njima uspostavlja: unutrašnja lokalizacija (= poznato) ili spoljašnja lokalizacija (= nepoznato)».*

(Predrag Piper. *Jezik i prostor*, 2001: 118–119).

В данной статье рассматривается функционирование совершенного вида в отрицательном контексте в русском, сербском и других славянских языках. Особое внимание уделяется употреблению перфективного презенса с частицей *ne / ne / nie*. Анализируется его употребление в потенциальных значениях ('неудачная / безуспешная попытка выполнить действие / достичь определенного результата') в севернославянских языках в отрицательных высказываниях типа (рус.) *Зову – не дозовусь, кричу – не докричусь, жду – не дождусь, Я этого не пойму*, или же в

---

* Предлагаемая работа представляет собой переработанный и существенно расширенный (с новыми результатами) вариант доклада (под названием «К вопросу о функционировании славянского глагольного вида в отрицательном контексте»), прочитанного автором на III Конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов “Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context” (“Глагольный вид: грамматическое значение и контекст”) (Università degli Studi di Padova, 30 Settembre–4 Ottobre 2011); см. тезисы доклада: Войводић 2011. Добавим, что некоторые отдельные аспекты настоящей проблематики были нами также затронуты в докладе («О взаимодействии совершенного вида и отрицательного контекста (на материале русского, сербского и других славянских языков)»), прочитанном на 60-й международной научной конференции славистов Сербии «Славянство и современный мир: человек, язык, культура» (Филологический факультет Белградского университета, 13–14 января 2022 г.).

словенском типа *Ne pride več sama do zdravnika, je preslaba* ('она не может больше прийти сама к врачу, потому что слишком слаба'), а также употребление в волонтактивном значении ('отказ / нежелание выполнить действие') в диалогическом контексте «общеславянского» типа (рус.) – *Дай мне этот карандаш! – Не дам!* / (серб.) – *Дай ми ту оловку! – Не дам!* и в высказываниях с формальными футуральными формами (в русском и польском, что характерно для всех севернославянских языков) типа *Я не стану оттирать эту дверь и ни за что не войду туда / Ja nie będę otwierał tych drzwi ani tam nie pójdę*, эквивалентом которого в сербском (и других южнославянских языках) является, как правило, модальная (волонтактивная) отрицательная конструкция «*нећу / не желим + да + перфективный / имперфективный презенс*» (*Ja neћу да отворим / отварам та врата и нећу да уђем / улазим тамо*). Наряду с этим в работе рассматривается и «общеславянский» синкретизм перфективного презенса в отрицательных «апеллятивных» высказываниях-вопросах (с приглашением выполнить определенное действие) типа (рус.) *Почему ты не придешь?* ('приходи!') / (польск.) *Dlaczego nie przyjdiesz? ('przyjdź!')* / (серб.) *Зашто не дођеш?* ('дођи!'). Экспликацией (семантическим анализом) приведенных высказываний автор приходит к выводу, что употребление совершенного вида нельзя свести к простой субституции несовершенным видом, так как совершенный вид в данном случае не только сохраняет основное значение несовершенного вида, но и «обогащает» высказывание в целом добавочными, модальными (потенциальными, волонтактивными, прескриптивными или нецесситативными) значениями, которые невозможно выразить употреблением несовершенного вида. Подводя итоги, автор подчеркивает, что употребление перфективного презенса с отрицанием в высказываниях, реализация которых связана с актуальным настоящим, соответственно с моментом речи, обусловлена не только ситуативным и синтаксическим, но и лексическим контекстом.

Ключевые слова: совершенный вид, отрицательный контекст, перфективный презенс, частица *не / ne / nie*, модальные (потенциальные, волонтактивные, прескриптивные, нецесситативные) значения, актуальное настоящее, момент речи, точка отсчета, семантический анализ, русский, сербский и другие славянские языки.

This paper investigates the functioning of the perfective aspect in a negative context in Russian, Serbian and other Slavic languages. Special attention is dedicated to the use of the perfective present with the particle *не / ne / nie* ('not'). Its use in potential meanings ('unsuccessful attempt / incapability of completing an action') is analyzed in the North Slavic languages in negative statements such as (Rus) *Зову – не дозовусь, кричу – не докричусь, жду – не дождусь* ('I am calling, but I cannot get through, I am yelling, but I cannot get through, I am waiting, but in vain'), *Я этого не пойму* ('There is no way I can understand that'), or in the Slovenian language such as *Ne pride več sama do zdravnika, je preslaba* ('she can no longer come to the doctor by herself, because she is too weak'). The analysis also includes its use in a volunтакative meaning ('refusal to complete an action') in the dialogue context of a "general Slavic" type (Rus) – *Дай мне этот карандаш! – Не дам!* / (Srb) *Дай ми ту оловку! – Не дам!* ('Give me that pencil! – I won't give it to you!') as well as in statements with formal future forms (in Russian and Polish, which is characteristic for all north Slavic languages) such as *Я не стану оттирать эту дверь и ни за что не войду туда / Ja nie będę otwierał tych drzwi ani tam nie pójdę*, whose equivalent in Serbian (and other south Slavic languages) is, as a rule, a modal (volunтакative) construction "*нећу / не желим + да + perfective/imperfective present*" – *Ja neћу да отворим / отварам та врата и нећу да уђем / улазим тамо* ('I am not going to open that door and I am not going in there'). Finally, the paper discusses the "general Slavic" syncretism of the perfective present in negative "appellative" statements – questions (with a call for the completion of an action) such as (Rus) *Почему ты не придешь?* ('приходи!') / (Srb) *Зашто не дођеш?* ('дођи!') [(Eng) *Why don't you come?* ('come!')]. Through an explication (semantic analysis) of the given statements, the author comes to the conclusion that the use of the perfective aspect cannot be reduced to a mere substitution with an imperfective aspect, since the perfective aspect in the given case not only keeps the basic meaning of the imperfective aspect, but it also "enriches" the entire statement with additional, modal (potential, volunтакative, prescriptive or necessitative) meanings that cannot be expressed using an imperfective aspect. In conclusion, the author emphasizes that the use of perfective present with a negation in statements whose realization

is related to the actual present time, i.e. the moment of speech, is conditioned not only by the situational and syntactic, but by the lexical context as well.

Keywords: perfective aspect, negative context, perfective present, particle *ne / ne / nie* ('not'), modal (potential, voluntative, prescriptive, necessitative) meanings, actual present time, moment of speech, point of reference, semantic analysis, Russian, Serbian and other Slavic languages.

1. Вводные замечания

«Чистые» аспектуальные отношения трудно отграничить от аспектуально-темпоральных не только в языках, в которых категория вида не имеет своего морфологического выражения, но и в «видовых» языках, какими являются славянские, вследствие чего границы аспектуальности подвижны, расплывчаты, неопределены. На этот факт указывают почти все аспектологические исследования.¹ На морфологическом уровне (вне контекста) видовую систему славянского глагола можно рассматривать как систему, сосуществующую с временной системой, в то время как на уровне синтаксиса (в контексте) они объединяются в единое синтаксическое целое – в видо-временную систему. Непосредственно с этим связана и способность вида влиять на выбор (дифференциацию) временного употребления глагольных форм. Кроме того, любая глагольная форма (с присущей ей видовой характеристикой), используемая в качестве средства выражения синтаксического времени, выполняет и функцию особого модального и стилистического средства.

Следовательно, лишь на уровне синтаксиса раскрывается сущность аспектуально-темпорального характера глагола, связь категорий вида и времени с другими семантическими категориями (модальности, временной локализованности / нелокализованности, определенности / неопределенности, таксиса, обусловленности и т.п.).

¹ В связи с данным вопросом здесь по техническим причинам целесообразно привести только выборочный список аспектологов, изучающих в той или иной степени взаимоотношение категорий глагольного вида, времени и модальности и представляющих в определенной мере различные «национальные» аспектологические школы и направления. См., в частности, работы Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, М. А. Шелякина, О. П. Рассудовой, Е. В. Падучевой, М. Я. Гловинской, Ю. Д. Апресяна, В. С. Храковского, В. Д. Климонова, Ю. П. Князева, Е. В. Петрухиной, И. Б. Шатуновского, В. А. Плунгяна, М. Ю. Чертковой, С. Г. Татевосова, Е. В. Горбовой, Е. Я. Титаренко, С. О. Соколовой, Е. Э. Пчелинцевой, В. М. Труба, Э. Кошмидера, С. Кароляка, Ф. Копечного, Е. Беличовой-Кржижковой, Я. Паневовай, Дж. Грубора, А. Белича, А. Мусича, М. Кравара, Д. П. Войводица, Л. В. Попович, Р. Трнавац, М. Деяновой, К. Чакыровой, Л. Спасова, И. Пановской-Димковой, Ф. Безлая, А. Дерганц, М. Мерше, И. Ж. Жагара, Дж. Форсайта, Б. Комри, Х. Голтона, К. В. Чвани, К. С. Смит, Дж. Л. Байби, А. Израэли, С. М. Дики, А. Мазона, Д. Пайара, М. Гиро-Вебер, Т. В. Миллиареси, Х. Р. Мелнга, В. Броя, Я. Гвозданович, Б. Вимера, Л. Шольце, А. А. Барентсена, Э. Фортуина, Х. Томмолы, А. Мустайоки, Л. А. Янды, Э. Даля, Н. В. Зорихиной-Нильссон, Й. Крекича, Л. Ясаи, И. Палоши, Р. Гусмана Тирадо, Ф. Фичи Джусты, Р. Бенакьо, С. Славковой, М. Пилы, М. Биазю, Н. Г. Самедовой, М. Номати, М. Китадзё, Ю. Канэко, К. Митани и др.

Настоящая проблематика взаимодействия вида со смежными категориями наглядно отражается особенно в реализации программ конференций, запланированных и организованных Комиссией по аспектологии Международного комитета славистов (ср., в частности, материалы новейшего сборника данной комиссии: Горбова 2020).

2. Совершенный вид в отрицательном контексте

Особый интерес при исследовании категорий вида и времени вызывает употребление совершенного вида (СВ) с отрицательной частицей *не* в славянских языках (см., в частности: Musić 1913; Маслов 1948; Белић 1999: 430 [1962: 131–132]; Стевановић 1969: 568–569; Forsyth 1970: 142–144, 178–179, 339–344; Бондарко 1971: 106, 110–111, 221; Бердник 1980; Бахарев 1981; Rassudova 1984: 123–124; Paillard 1988: 72–74; Vojvodić 1988; Војводић 2003: 149–154; Akimova 1992; Акимова 1993; Танасић 1996: 169–170; Ivić 1997: 121–126; Мелиг 1998; 2002; Růžička 1999; Kosta 2001; Падучева 2005; Abels 2005; Trnavac 2006: 59–62, 89–97; Барентсен 2007; Калинина 2012; Шелякин 2008: 176–177; Петрухина 2009: 132–133; Dickey, Kresin 2009; Dočekal 2009; Veselinova 2009; Van der Auwera 2010: 89–91; Мостовая 2009; 2010; 2011; Попович 2015).

Рассмотрим лишь некоторые случаи употребления СВ (презенса СВ), обычно связанного с выражением актуального настоящего, соответственно с моментом речи как отправной точкой, на основании которой определяются все темпоральные отношения.²

2.1 *Выражение негативного (потенциального) содержания – ‘неудачная / безуспешная попытка выполнить действие / достичь определенного результата’*

К рассматриваемому (под)типу отрицательных высказываний относится следующий пример в русском языке, в котором используются глаголы, передающие исчерпанность и результативность действий, или – по Ю. С. Маслову (1948: 309–310; 2004: 80, 83) – «глаголы безуспешной попытки и безуспешного стремления»³ (см. также: Бунина 1959: 156–157; Бондарко 1971: 221; Rassudova 1984: 121; Шатуновский 1996: 340; Петрухина 2008; Климонов 2011: 264–265; Войводић 2013):

(I) *Зову – не дозовусь, кричу – не докричусь, жду – не дождусь* (‘зову – не могу дозваться’, ‘кричу – не могу докричаться’, ‘жду – не могу дождаться’).

² Поскольку многие из вопросов по данной теме были уже раньше предметом нашего предварительного анализа в рамках более обширного сопоставительного исследования славянского перфективного презенса (см., в частности, Войводић 1998; 2013; 2015а; 2015б; 2015в; Војводић 2019: 19–22), мы их не будем рассматривать подробно, а лишь в той мере, в какой они являются необходимыми для подтверждения и синтеза общих сведений и итогов об употреблении данной глагольной формы в значении отрицательной модальности и, тем самым, для выявления более полной картины функционирования СВ в анализируемом контексте. Также и экземплификация (соответствующий иллюстративный материал) и литература по этой теме приводятся в статье выборочно.

³ Ср. для данного типа употребления презенса СВ термин А. Зализняка «презенс напрасного ожидания» (Зализняк 1993).

Мы склонны видеть здесь модальное употребление глагольной формы СВ с потенциальным (на наш взгляд, сопоставимым с обобщенно-фактическим, но нереализованным / нерезультативным) значением не только на фоне актуального настоящего / момента речи (соответственно НСВ с актуально-длительным (конкретно-процессным) значением) в повествовательном предложении, где действие НСВ длится в момент наблюдения, но и на фоне разновидности актуально-длительного значения НСВ – «имплицитного» конативного. Иными словами, «отрицание наличия (возникновения) конечного состояния является единственно возможным для глаголов, в значении которых представление о деятельности или процессе относится к лексической презумпции и поэтому ни при каких условиях не может [полностью – Д.В.] отрицаться» (Шатуновский 1996: 340), так как действие в таких случаях лишь частично контролируется субъектом. В качестве иллюстрации этого положения можно приведенный пример сопоставить с примерами-модификациями, реализующимися в других временных планах:

(а) в плане прошедшего (факт несостоявшегося действия, т.е. осведомления о прерванной / приостановленной попытке выполнить действие): *звал, кричал, ждал – но не дозволялся, не докричался, не дождался* (ср.: Маслов 1948; Dickey, Kresin 2009: 162–166);

(б) в плане настоящего (факт продолжения попытки выполнить действие и осознания невозможности это сделать): *(снова!) зову, кричу, жду – но не дозовусь, не докричусь, не дождусь*;

(в) в плане будущего (факт намеренности (относящейся к настоящему моменту речи) продолжить попытку выполнить действие и предположения / уверенности об его невыполнении): *буду звать, кричать, ждать – но не дозовусь, не докричусь, не дождусь*).

Сходное значение СВ имеет и в примерах следующего типа:

(Ia) *Я (никак) не пойму в чем дело* ('не могу понять' <хоть и пытался и все еще пытаюсь понять>).

Ср. также примеры, взятые из интернета – из НКРЯ:⁴

(1) – *Я никак не пойму, – что там произошло?* [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

(2) – *Марта весь сад обежала, и как она вас тут не накрыла, не пойму!* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943–1958)]

⁴ Национальный корпус русского языка (НКРЯ) © 2003–2022. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики (www.ruscorgpora.ru ; 16.05.2020).

(3) – *Так и до сих пор не пойму, что он за человек был.* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943–1958)]

Ср. и следующие польские примеры употребления презенса СВ в потенциальном значении, взятые из различных форумов в интернете:

(4) *Ja i tak pana nie rozumiem.* (<http://forum.gp24.pl/slupszczanka-pyta-dlaczego-moj-biznesplan-przegral-t58128/> ; 16.05.2020)

(5) *A ja i tak tego nie rozumiem.* (<http://odstresowanie.blogg.pl/id,329262298,title,A-ja-i-tak-tego-nie-rozumiem,index.html?ticaid=6d1af> ; 16.05.2020)

(6) *Jak nie rozumiem co jest nie tak, nie będę wiedział jak to naprawić ani co mam zrobić.* (<http://www.forumpsychologiczne.pun.pl/czy-ona-wciaz-mnie-kocha-888.htm>; 16.05.2020)

Перед нами, как и в предыдущем (I) примере, выражение невозможности реализации действия, где СВ имеет неразультативное и потенциальное значение, т.е. значение невозможности совершения действия – ‘я этого не могу понять’ (в севернославянских языках и, реже, в словенском), несмотря на то что само высказывание реализуется в момент речи как неотъемлемой части актуального настоящего. Иными словами, в данном случае к актуальному настоящему, соответственно к моменту речи относится, как это справедливо отметил А. В. Бондарко (1971: 221), «не процесс осуществления действия, а выражение невозможности его осуществления».⁵

Параллельное употребление НСВ в данном типе отрицательных предложений имеет конкретно-процессуальное значение в актуальном настоящем (‘я этого не понимаю’)⁶; ср. следующие примеры в рус., чешск., словац. и польск. яз.:

⁵ Ср. употребление презенса СВ в другом контексте (когда субъект контролирует ситуацию полностью благодаря чему достигает результата), где, в отличие от предыдущих примеров, выражено не модальное, а темпоральное (футуральное) значение:

– Ты их **поймешь**, когда она скажет.

– А вдруг **не пойму**?

– **Поймешь**, – повторил он. [А. Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)] (НКРЯ)

– *Ja nie rozumiem i chyba nigdy nie rozumiem!!!* – *pytanie zadane przez użytkownika portalu DobraMama.* (http://www.dobramama.pl/pokaz/106513/ja_nie_rozumiem_i_chyba_nigdy_nie_rozumiem ; 16.05.2020)

⁶ Ср. отрицательные контексты с дательным, выражающие подобное негативное (потенциальное) содержание, в которых невозможно употребление (инфинитива) НСВ: **Не догнать тебе меня** (‘не (с)можешь догнать меня’); **Мне, тебе, ему ... этого не понять** (‘я этого не (с)могу понять’) (см. в частности, Гловинская 1989: 132–134; Шагуновский 1996: 348; Fortuin 2006; Trnavac 2006: 59–62; Войводич 2007: 571–572); ср. также контекст с (двойным) отрицанием, выражающий позитивное содержание – модальное значение неперсигативности (долженствования), где тоже невозможно употребление (инфинитива) НСВ: **Не могу не согласиться** (‘согласяюсь’, ‘должен / вынужден согласиться’).

(1) *Я этого не понимаю.* vs. *Я этого не пойму.*

(2) *Já to nechápu.* vs. *Já to nepochopím.*

(3) *Ja to nechápet.* vs. *Ja to nepochopím.*

(4) *Ja tego nie rozumiem.* vs. *Ja tego nie zrozumiem.*

В южнославянских языках такая возможность употребления презенса СВ не встречается, за исключением некоторых случаев в словенском (как и в кайкавском диалекте), который в этом отношении (как вообще, когда речь идет об употреблении презенса СВ) ближе севернославянским, чем остальным южнославянским языкам; ср. следующий пример, в котором СВ (как и в предыдущих примерах в рус., чешск., словац. и польск. яз.) выражает невозможность совершения действия (соответственно нерезультативное и потенциальное значение), а косвенно и субъективную оценку этого говорящим:

(II) *Ne pride več sama do zdravnika, je preslaba* (Плотникова 1977) ('она не может больше прийти сама к врачу, потому что слишком слаба'; букв. <рус.> *'не придет'; <серб.> *'неће доћи' или (sic!) *'не дође').

Ср. также употребление НСВ (имперф. през.) в том же синтаксическом контексте, где выражается процессуальный характер конкретного действия (констатация факта), которое не совершается (т.е. совершение которого отрицается):

(IIa) *Ne prihaja več sama do zdravnika* <je preslaba> ('не приходит').

Приведенные отрицательные высказывания еще раз подтверждают, что в севернославянских языках, а также в словенском (южнославянском) функциональные границы СВ шире, чем в большинстве южнославянских языков.

2.2 Выражение негативного (волюнтаривного) содержания – 'отказ / нежелание выполнить действие'

К данному типу употребления СВ можно отнести и презентное использование глагола *дать*, являющееся общеславянской особенностью. Это, как правило, наблюдается в диалогах, в которых речь говорящего и его собеседника обычно сопровождается эмоциональной окраской. Ср. следующие примеры в сербском и русском языках, где контекст допускает исключительно употребление СВ, несмотря на то что действие происходит (высказывается) в момент речи актуального настоящего:

(III) (серб.) – *Дай ми ту оловку!*
– *Не дам!* ('нећу / не желим да (ти) дам')

(рус.) – *Дай мне этот карандаш!*

– *Не дам!* (‘не хочу / не желаю (тебе) дать’; ср. ‘не хочу отдать / отдавать’)

(Ша) (серб.) – *Дай ми ту оловку!*

– **Не дајем!*

(рус.) – *Дай мне этот карандаш!*

– **Не даю!* (ср. как возможность: *Не буду давать*)

С формальной точки зрения можно сказать, что приведенное употребление презенса СВ в сербском языке (и аналогично этому в остальных южнославянских языках) имеет значение актуального настоящего, в то время как в русском (а также и в других севернославянских языках), наряду с актуальным настоящим, обозначает и футурум СВ. Однако экспликация семантического содержания высказывания позволяет сделать вывод, что презенс СВ в сербском языке представляет волюнтаривное высказывание ‘нећу / не желим да ти дам’ (‘не хочу / не желаю тебе дать’), что, по сути дела, значит, что к актуальному настоящему относится только волюнтаривность («нехотение» / «нежелание», отсюда коммуниканта совершить действие. Следовательно, данное высказывание в сербском (*Не дам!*) можно истолковать как «неполную» волюнтаривную конструкцию, в которой пропускается модальный глагол *хт(ј)ети* в отрицательной форме *нећу* (‘не хочу’) и союз *да* (*нећу + да + презенс СВ = нећу да дам = не дам*).⁷ Ср. в связи с этим следующие примеры употребления презенса СВ и волюнтаривной конструкции, взятые из интернета:

(11) *Туђе нећу, своје не дам!* (http://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=201249809971808&id=113292578715615 ; 21.01.2012)

⁷ Здесь возможность употребления СВ связана, в частности, с лексическим значением глагола *дать*. Предполагаем также, что настоящий феномен можно объяснить и диахронически, так как он, по всей вероятности, является одним из «косвенных» проявлений (последствий) вторичной имперфективации (ср. глаголы *дати – дајати – давати*) и стяжения гласных в основе глаголов НСВ в старославянском языке, так как вследствие утраты интервокального йота произошло слияние двух гласных *-aa-* в один простой гласный *-a-* (*дајати > даати > дати*). Это привело к смешению и некоторых форм глагола НСВ *дајати* (др.-рус. *даяти*) и форм нетематического глагола СВ *дати*, где произошла утрата формы 2-го л. императива *даждь* (ср.: «*Отче нашъ, иже еси на небесъхъ ..., хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ, ...*» – Мф. 6: 9–13; «*Господи, даждь ми воду сию, да не жажду...*» – Ин. 4: 15), вместо которой стала использоваться форма *дай* (ср. «застывший» оборот *Дай Боже / Богъ – Не дай Боже / Богъ*), отражающая первоначально старое видовое значение (вторичный имперфектив) и впоследствии получившая значение СВ. Такая трактовка поддерживается и аналогией старых императивных форм *дай, дайте* от утраченного ст.-сл. вторичного имперфектива *дајати* с формами *знай, знайте*, а также аналогией формы *знамъ* с формой *дамъ*. Кроме того, презентная форма глагола *давати* (ст.-сл. / др.-рус. *даваю > даю*) связана с инфинитивом глагола *дајати* (*даю*); ср. общеслав. **dati* (1-е л. ед. ч. **damъ*), **davati*; **dajati* (ср. напр. Маслов 1981: 225, 280; ср. также: Van Wijk 1929: 246; Белић 1999: 370–373, 377–379; Войводић 2015а; Соколова 2021: 267).

- (12) *Дачић*: «**Не дам мандат!**» (http://www.alo.rs/politika/50999/Dacic_Ne_dam_mandat ; 21.01.2012)
- (13) *Не мислим ни да је Борис достигао Рузвелта на да крене и у трећу мандат. Не дам глас ни Томи ни Тадићу, ни жутима ни плавима. Не ваљају.* (<http://www.kurir-info.rs/komentari/nato-je-1999-trebalo-da-pobije-trecinu-srba-clanak-236564> ; 10.05.2012)
- (14) *Николић*: «**Нећу да дам Тадићу трећу мандат на тањиру**». (http://www.rtv.rs/sr_ci/izbori2012/predsednicki/nikolic:-necu-da-dam-tadicu-treci-mandat-na-tanjiru_319517.html ; 16.05.2012)
- (15) «*Осим тога, не желим (Борису) Тадићу на тањиру да дам трећу председнички мандат*», казао је Николић. (там же)

Когда речь идет о русском и других севернославянских языках, надо иметь в виду, что презенс / футурум СВ (а также и футурум НСВ) там используется, в частности, и для выражения волюнтаристичности (как это показывает настоящее высказывание (*Не дам!*) в русском языке),⁸ что в лингвистической литературе очень часто остается без внимания (см., в частности, Војводић 1996; 2014: 85–99; Войводић 2015а). В качестве иллюстрации приведем также примеры в более широком контексте, взятые из интернета:

(16) – *Сын, дай мне морковку, у тебя много, – говорит папа.*
– *Нет, не дам, – отвечает Витя, – сам буду есть, – и прикрывает ручками пучок моркови.* (<http://nashi-detochki.ru/formlichnostistr.php?id=13> ; 21.09.2015)

(17) *Потом Огонь успокоился и жалобно сказал:*
– *Послушай, Ёжик, я проголодался. Дай мне ещё дровишек – у нас же их много.*
– *Нет, – сказал Ёжик, – не дам. В доме и так тепло.* [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)] (НКРЯ)

Ср. также:

(18) – *Но как бы там ни было, а вопрос задан. Вы отказываетесь отвечать на него?*

⁸ Отметим, что такое употребление формы презенса СВ прослеживается в русском (др.-рус.) языке с древних времен, на что указывает и следующий пример: Въ лето 6758 [1250]. *Приславиу же Могучееви посолъ свой къ Данилови и Василкови, будущю има во Дороговьскы: «дай Галичь». Бысть въ печали велице, зане не утвердишь бе земле своея городы, и думавъ съ братомъ своимъ и поеха ко Батыеви, река: «не дамъ полуотчины своей, но еду къ Батыеви самъ.»* (Ипатьевская летопись. Санкт-Петербург, 1845).

– *Нет, не отказываюсь. Я не хочу дать вам лишнее оружие против себя.* [Е. Парнов. Третий глаз Шивы (1985)] (НКРЯ)

То, что здесь идет речь о модальной (волеутативной) конструкции в сербском языке, подтверждает и употребление других глаголов, как, например, *додати* ('подать'), *дон(и)јети* ('принести'), *навратити* ('зайти') и др. в подобном контексте, где употребление отрицательной презентной формы глагола *хт(ј)ети* <нећу> (при необязательном употреблении союза *да* и презенса СВ данных глаголов) является обязательным, в отличие от севернославянских языков, где можно использовать как волеутативную конструкцию (ср. напр., Paillard 1988: 73), так и ее эквивалент – презенс СВ (простое будущее); ср. следующие примеры в сербском языке и их эквиваленты в русском:

(19) – *Додај ми ту оловку!* – **Нећу** (*да ти додам*)! (ср. *не додам);
 (19а) – *Подай мне <этот карандаш>!* – **Не подам!** / **Не хочу** (*подавать* = 'подать')!

(20) – *Донеси ми ону оловку!* – **Нећу** (*да ти донесем*)! (ср. *не донесем);
 (20а) – *Принеси мне <тот карандаш>!* – **Не принесу!** / **Не хочу** (*принести* = 'принести')!

(21) – *Наврати до мене!* – **Нећу** (*да навратим*)! (ср. *не навратим);
 (21а) – *Зайди ко мене!* – **Не зајџу!** / **Не хочу** (*заходить* = 'зайти')!

Настоящее положение дел подтверждается и следующим примером на польском языке и его эквивалентом в русском, где как простыми (СВ), так и сложными (НСВ) футуральными формами выражается («негативная») волеутативность:

(22) – *Ja nie będę otwierał tych drzwi ani tam nie pójdę.* ('nie chcę otwierać'; 'nie chcę pójść')
 – *Ty! Jak śmiesz! Otwieraj natychmiast!*
 – **Nie otworzę.** ('nie chcę otworzyć') *Sami otwierajcie* (S. Żeromski. *Wierna rzeka*).

(22а) – *Я не стану отпирать эту дверь и ни за что не войду туда.* ('не хочу отпирать'; 'не хочу войти')
 – *Ах ты! Как ты смеешь? Открой сейчас же!*
 – **Не открою.** ('не хочу открыть') *Сами открывайте!* (С. Жеромский. *Верная река*).

Ср. также сербский эквивалент данного примера (где волеутативность, как и в вышеприведенных примерах (14, 15, 19–21), выражается модальной конструкцией):

⁹ Здесь (а также и в следующих двух примерах на русском языке) – вследствие отрицательного контекста – произошла видовая нейтрализация (используется НСВ вместо СВ).

- (226) – *Ја нећу да отварам та врата и нећу да идем тамо.*
 – *Ти! Како се усуђујеш! Да си сместа отворио!*
 – *Нећу да отворим. Отворите сами!* (С. Жеромски. Верна река).

Отметим, что футуральные формы в польском (*nie będą otwierał / nie otworzę*) и русском (*не стану отпирать / не открою*), а также волюнтаривная конструкция в сербском (*нећу да отварам / нећу да отворим*) в этих примерах указывают и на реализацию видовой конкуренции в специфичном прескриптивно-каузативном контексте (диалоге).

2.2 Выражение позитивного (апеллятивно-прескриптивного) содержания – ‘побуждение к выполнению действия’.

В лингвистических исследованиях, посвященных данной проблематике, особое место принадлежит употреблению презенса СВ в отрицательных вопросительных предложениях-высказываниях типа:

(IV) Почему ты не придешь?

Ср. эквиваленты данного примера в других славянских языках: (укр.) *Чому ти не прийдеши?*; (белорус.) *Чаму ты не прыйдзеш?*; (польск.) *Dlaczego nie przyjdiesz?*; (чешск.) *Proč ne přijdeš?*; (словацк.) *Prečo neprídeš?*; (в.-лужицк.) *Čohodla njeprjndžeš?*; (словен.) *Zakaj ne prideš?*; (болг.) *Защо не дойдеш?*; (мак.) *Зошто не дојдеш?*; (серб./хорв.) *Зашто не дођеш?*

В качестве иллюстрации приведем также примеры в более широком контексте, взятые из интернета (НКРЯ):

- (23) – ... *Знаешь, временами мне так смешно бывает... А временами грустно.*
 – *Почему ты не уйдешь?* – *спросила Женя, крепче сжимая рукоятку.*
 – *Куда?* – *спросил Олег в ответ.* [О. Дивов. Молодые и сильные выживают (1998)]

- (24) *Через несколько дней Лидия мимоходом, но задорно, как показалось Климу, спросила его:*
 – *Почему ты не зайдешь к Макарову? Он сказал, что очень расстроен отношением к нему педагогического совета, часть членов его, не решаясь выдать ему аттестат зрелости, требует переэкзаменовки.*
 (...) *Она ушла, прежде чем он успел ответить ей. ... Но в течение двух дней он не выбрал времени для объяснения, а на третий пошел к Макарову, отягченный намерением, не совсем ясным ему.* [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1. (1925)]

- (25) – Уйду в отпуск, буду сидеть с ним.
 – А дети? – спросил я. – **Почему ты не заведешь** ребенка? Лучшие ведь ребенок, чем животное. Даже если мужа нет, все равно. Ты зарабатываешь прилично... [Н. Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003]
- (26) Она восторженно повторила. – **Почему не попросишь?** Попроси, попроси меня хорошенько, Шатушка, может, я тебе и скажу; умоли меня, Шатушка, так чтоб я сама согласилась... [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872)]
- (27) – Я хотела сразу прыгнуть в постель, – весело сказала она, – но ты так сладко спал...
 Я ничем не выказал ни радости, ни огорчения. Это ее разозлило.
 – **Почему ты не спросишь**, зачем я здесь?
 – Наверное, сама расскажешь. [Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч» (2001)]
- (28) – Вы только подливаете масла в огонь, сообщая мне о странных махинациях вашего шефа и его встречах с моей женой. **Почему вы не расскажете** все это в милиции? Они ведут расследование. Они, не я! Им надо это знать, а потом уже они сообщат мне о том, чего добились. [Н. Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003]
- (29) Разозлившись сержант рявкнул:
 – Рядовой, **почему вы не уберете** злобную ухмылку со своей физиономии?
 – А зачем? Я не лицемер, – ответил солдат. [Коллекция анекдотов: иностранные военные (1970–2000)]

Ср. данное употребление презенса СВ в сербском языке в более широком контексте (разг. яз.):

- (30) Код Шпиње, прекопута Поште, сретнем кума Дулу с Куле, изљубимо се, а он ће:
 – Ја у Београду, ти у Београду, а ође се морамо састати. **Шта не навратиш** код мене, ја сам у Малом Мокром Југу код брата Обрице. Тамо он има кућу.
 – Како да те нађем кад не знам адресу. Сад ми је дај, а даћу и ја теби своју, па ћемо се наћи тамо – правдам се ја, а нисам ни знао да је он у Београду. [Миле-Марко Мажибрада. Буковачке приче. Књ. четврта – Црвена младост – 1. дио (<http://bukovackeprice.wordpress.com/2010/10/24/>)]

- (31) – *Zašto nisi došao juče? Jesi nešto jeo?*
 – *Jesam – promumlao sam između dva zalogaja.*
Zašto, čoveče, ne dođeš [‘дођи!’], *lepo sam ti rekla, za tebe će uvek da se nađe!* (M. Vidojković. Kandže. Beograd, 2004)

Ср. перевод данного примера на словенский язык:

- (31a) – *Zakaj pa te včeraj ni bilo? Si sploh kaj jedel?*
 – *Sem – sem zamrmral med dvema grizljajema.*
 – *Človek božji, zakaj ne prideš* [‘pridi!’], *lepo sem Ti povedala, da se bo zate vedno kaj našlo!* (M. Vidojković. Kremplji. Prevod M. Novak. Ljubljana, 2006)

Ср. подобный пример в польском языке:

- (32) *Dlaczego do mnie nie przyjdiesz?* (‘przyjdź!’)
Dlaczego nie weźmiesz (‘weź!’) *mnie za żonę?*
Byłabym taka szczęśliwa! (Z. Smoktunowicz. Ja sama: <http://muzeum.teremiski.edu.pl/pamiec-i-historia/piesni/ja-sama/> ; 12.07.2021)

Хотя употребление презенса СВ в приведенном высказывании (высказываниях) на первый взгляд совпадает во всех славянских языках, все же существуют определенные оттенки, благодаря которым севернославянское и южнославянское использование данной формы в функционально-коммуникативном плане отличаются. В качестве иллюстрации сравним семантические компоненты, составляющие такой (синкретический) тип высказывания в русском и сербском языках.

Русский презенс СВ, который, в отличие от сербского (южнославянского, за исключением словенского), является грамматикализованной глагольной формой (футурумом СВ), семантически можно представить следующим образом (порядок компонентов приводим исходя из «степени» коммуникативной значимости, который в данном случае представляет собой как бы «зеркальное» отражение «формального» порядка):

- Почему ты не придешь?* :
- (1) ‘приходи!’ (я тебя приглашаю) [ср. *‘приди!’]
  - (2) ‘по какой причине ты не хочешь приходить (вообще) / прийти (в назначенное время и место)?’
  - (3) ‘по какой причине ты не приходишь? (вообще; так долго; больше)’
  - (4) ‘по какой причине ты не придешь? (в назначенное время и место)’ (sic!).

Сербский (сербско-хорватский) эквивалент такого употребления (презенс СВ, являющийся, в отличие от русского презенса СВ (формы будущего СВ), неграмматикализованной глагольной формой) семантически можно представить следующим, тоже «зеркальным» образом:

- Зашто / што не дођеш?* : (1) ‘дођи! (ја те позивам)’
 (2) ‘зашто нећеш / не желиш да дођеш?’
 (у заказано време и место)’
 (3) ‘зашто / због чега / због којег разлога не долазиш?’ (уопште; тако дуго; више)’

На основании экспликации, т.е. расчленения высказывания на семантические компоненты можно заметить, что приведенное, синкретическое употребление презенса СВ¹⁰ (что относится не только к русскому и сербскому языкам, но и ко всем остальным славянским языкам) содержит четыре тождественных (общих) компонента: наряду со вторичными, хотя и формально выраженными, причинно-следственными отношениями (2, 3), которые можно передать и с помощью НСВ, косвенным образом реализуется своеобразное абстрактное значение глагольного действия, являющееся «внутренним» синкретизмом высказывания и сближающееся с неактуальным настоящим (3), и волюнтаривное отношение, связанное с имплицитным выражением нежелания адресата прийти (2),¹¹ а также и приглашение / предложение (соответственно выражение позитивного содержания) – как косвенный имплицитный перформатив в качестве прескриптивного речевого акта (смягченного, некатегорического побуждения к совершению действия) с признаком ожидания (1).

¹⁰ Синкретическая природа презенса СВ как и многих других языковых средств, объясняется «законом асимметрии» знака и значения, открытым С. О. Карцевским. Иными словами, знак и значение обычно полностью не покрывают друг друга, так как «обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по “наклонной плоскости реальности”. Каждое “выходит” из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» (Карцевский 1965: 90). Синкретизм, представляющий собой «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме», или «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (...), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» (Бабайцева 1990), является и здесь одним из способов функционального преодоления асимметричного дуализма, присущего структуре языкового знака – в данном случае отрицательного вопроса с презенсом СВ. Таким образом, настоящая вопросительная конструкция – благодаря именно своей синкретической, функционально и семантически насыщенной структуре – становится более удобной для участников коммуникативного процесса, который отличается в первую очередь стремлением к компрессии и экономии языковых средств и речевых усилий.

¹¹ Ср. отрицательно-вопросительный контекст с эксплицитной волюнтаривной конструкцией, косвенно выражающей побуждение адресата совершить действие, которое он не хочет совершать (на что дополнительно указывает и последующий контекст – с прямым приглашением выполнить совместное действие): – *И ничего не видела! Ну почему ты не хочешь пройтись? Смотри, на улице как хорошо – просто прогуляемся...* [А. Берсенева. Возраст третьей любви (2005) (НКРЯ)]

Здесь важно подчеркнуть, что данное употребление презенса СВ, будучи обусловленным «сжатыми» хронотопическими координатами (прагматико-дейктическими компонентами *я – ты – сейчас – здесь – это*), всегда реализуется в пределах реальной модальности и настоящего актуального времени момента речи, т.е. в рамках презентно-футуральной перспективы и конкретного речевого акта, где прагматическое прескриптивно-каузативное отношение (обращение) говорящего (1-го л.) к адресату (2-му л.) представляет собой основное, необходимое условие для успешного осуществления иллюкутивной силы высказывания, и тем самым для преобразования ирреальной ситуации в реальную, так как говорящий, каузируя адресата, возлагает на него (в виде отрицательного интеррогативного высказывания) реализацию действия, влияя, таким образом, и на его будущее поведение, из-за чего рассматриваемое функционирование презенса СВ можно охарактеризовать как наглядное проявление собственно интенциональных, «креативных» коммуникативных возможностей языковых единиц в процессе взаимодействия мысли и речи. Отметим также, что прескриптивное значение (1) данной синкретической конструкции выступает на первый план особенно в ситуациях, в которых говорящий требует от адресата относительно быстрого выполнения действий, как, например, в следующем примере:

(33) *Молодость следователя неожиданно придала Нине уверенности.*

– Простите великодушно, нельзя ли попросить воды? И... **отчего вы не откроете** окно? Очень душно, идет гроза.

– Да, конечно, – поспешно сказал он, беря со стола графин с желтоватой водой и наливая ее в стакан, который Нина жадно выпила до дна.

– Еще?

– Да... вы очень любезны, благодарю.

Налив для Нины второй стакан, следователь отошел, чтобы открыть окно.

[А. Туманова. Наша встреча роковая (<http://lib.rus.ec/b/384385/read>) ; 12.07.2021]

Все четыре выявленных компонента указывают на то, что форма презенса СВ в данном случае имеет не временное значение, а модальное (хотя ее употребление непосредственно связано с моментом речи как основной точкой отсчета всех темпоральных отношений).¹² Следовательно, здесь не может идти речь о

¹² Следует добавить, что в приведенном высказывании (а также во всех предыдущих типах отрицательных высказываний, которые анализируются в статье) актуальное настоящее, соответственно «контекст *hic et nunc* 'здесь и теперь' имплицитно определяется ситуацией общения» (Климонов 2011: 265). Таким образом, здесь можно говорить о значении проксимальности (имплицитно представленном двумя признаками пространственных отношений – центрально-стью и периферийностью), относящемся к местонахождению непосредственных участников коммуникативной ситуации, в которой говорящий представляет центр, а собеседник – (ближнюю) периферию по отношению к данному центру. В связи с этим и ситуационную локализацию данных вопросов и других отрицательных высказываний (т.е. ситуацию речи, которая всегда определяется прагматико-дейктическими компонентами *я – ты – здесь – сейчас – это*), можно рассматривать как статический аспект пространственных (и временных) отношений с

«равноправной» субституции (конкуренции) двух противопоставленных членов бинарной видовой оппозиции.

Вышеприведенная экспликация показывает, что употребление СВ нельзя свести к простой взаимозамене противоположным НСВ, так как «замена на форму настоящего времени несовершенного вида лишает контексты модальной окрашенности действия» (Шелякин 2008: 177). Иными словами, СВ в данном случае не только сохраняет основное значение НСВ, но и «обогащает» высказывание добавочными значениями, которые невозможно выразить употреблением НСВ. Проиллюстрируем это сопоставлением данных высказываний в сербском и русском языках:

Зашто не дођеш? vs. *Зашто не долазиш?* [НСВ = (3) ‘по какой причине ты не приходишь?’
(вообще; так долго; больше) / (2) ‘по какой причине ты не хочешь прийти?’
(вообще)]

Почему ты не придешь? vs. *Почему ты не приходишь?* [НСВ = (3) ‘по какой причине ты не приходишь?’ (вообще; так долго; больше) / (2) ‘по какой причине ты не хочешь прийти?’ (вообще) / (1) ‘приходи!’ (я тебя приглашаю) (?)]

Сопоставление высказываний с противоположной видовой семантикой (СВ vs. НСВ) в одном и том же (отрицательно-вопросительном) контексте показывает, что в сербском языке с помощью НСВ (имперф. през.) нельзя выразить основное значение высказывания с СВ (презент СВ), т.е. значение приглашения (‘дођи!’ / ‘ја те позивам да дођеш’), в то время как в русском такая возможность допустима, но значение приглашения является второстепенным, маргинальным и даже необязательным.¹³

Ср. употребление презенса НСВ в подобном (более широком) контексте:

динамическими семантическими признаками «надкатегориальной локализации», какими являются «локативность» (нейтральность по отношению к метафорическому выражению динамики участников коммуникативной ситуации), «аблативность» (метафорическое выражение удаления адресанта от адресата) и «адлативность» (метафорическое выражение приближения адресанта к адресату). Кроме того, упомянутые прагматико-дейктические компоненты, являющиеся на самом деле референциальными категориями, всегда функционируют в тесном взаимодействии с другими референциальными категориями, в первую очередь с семантической категорией определенности / неопределенности; см.: [Benvenist 1975: 192–205; Арутюнова 1981; Piper 1997: 59–85, 100–117, ср.: Пипер 1977–1978: 13 и сл.; 1988: 16 и сл.; ср. также: Бондарко 1992: 232–278; Тополинска 1996: 2–4; Джоунс 1997.

¹³ Хотелось бы еще отметить, что своеобразное экспрессивное напряжение в данных высказываниях, порождаемое «конфликтным» сопряжением вида и времени, более выразительно в южнославянских языках, чем в севернославянских, так как южнославянский презент СВ, в отличие от севернославянского презенса СВ (футурума СВ), в силу своей неграмматизированности не составляет оппозиции ни презенту НСВ, ни футуруму НСВ.

(34) *Над пољаной кружились и то улетали куда-то вверх, то опускались к самой земле снежинки.*

Ёжик прижался носом к окну, а одна Снежинка села ему на нос с той стороны стекла, привстала на тоненьких ножках и сказала:

– Это ты, Ёжик? Почему ты не выходишь с нами играть? (‘по какой причине ты не выходишь?’)

– На улице холодно, – сказал Ёжик.

– Нет, – засмеялась Снежинка. – Нам нисколько не холодно! [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981) (НКРЯ)]

В приведенном примере наряду с основным (причинно-следственным) значением выражено и второстепенное значение – значение приглашения благодаря, в первую очередь, контексту (ситуации), в котором реализуется отрицательно-вопросительное высказывание, где и лексический компонент (*с нами*) добавочно подчеркивает приглашение к совместному действию. Кроме того, заключительные слова (*нам нисколько не холодно*) диалогического контекста, в котором основная причина отсутствия действия адресата признается говорящим недействительной, косвенно указывают на желательность совершения адресатом действия в будущем, а вместе с тем и на приглашение выполнить это действие.

Употреблением СВ в рассмотренной отрицательно-вопросительной конструкции, как и в некоторых других конструкциях невопросительного характера, выражается «иной референциальный статус глагольной предикации в тексте», так как «глагольная предикация, которая информирует о несуществовании ситуации, может вполне относиться к ситуации, известной слушателю из претекста, и, таким образом, иметь референциальный статус дефинитности», что связано с т.н. «референцией второй степени» (Мелиг 1998: 298–299), являющейся в конечном итоге последствием прагматической, коммуникативной целеустановки говорящего, благодаря которой «примером рассогласованности грамматического и семантического (денотативного) аспектов утверждения / отрицания могут служить случаи выражения позитивного содержания средствами грамматически отрицательного предложения» (Калинина 2012). Иными словами, актуализация побудительной семантики в данном случае приводит к десемантизации какого-либо (в первую очередь отрицательного) компонента структуры вопросительного предложения-высказывания, вследствие чего оно становится асемантическим, так как его значения невыводимы из суммы значений составляющих его структуру слов (Стаханова 1984).

Интересно также отметить, что сербский презенс СВ в данном случае, в отличие от русского, может сочетаться с наречиями меры и степени, т.е. с обстоятельственными «квантификаторами», приобретающими в приведенном контексте временной характер, *мало* (‘немного’ <времени>), *бар мало* (‘хотя бы немного’ <времени>), *накратко* (букв. ≈ *‘в кратком виде’ в значении ‘на короткое время’), *макар накратко* (‘хотя бы на короткое время’) и т.п.; ср.:

(35) *Зашто / што не дођеш / не навратиш (мало / бар мало) до нас?*

Данное сочетание подчеркивает, усиливает именно «приглашение» в этом вопросе.

Ср. рус. эквивалент:

(36) *Почему ты не придешь / зайдешь (*немного / *хотя бы немного) к нам?*

Из примера видно, что в русском языке эквивалент сербского наречия *мало* ('немного') нельзя использовать в данном контексте, но если «количественное» наречие заменить наречием, указывающим на время, напр. (серб. и рус.) *некад* (когда-нибудь), *једном / неком приликом* (однажды), *успут* (по пути, заодно), или обстоятельственной конструкцией, содержащей эксплицитно выраженный (названный) отрезок времени (напр. *на короткое время, на несколько минут* и т. п.), то и в русском такая возможность имеет место; ср.:

(37) *Почему ты не придешь / зайдешь (когда-нибудь / (хотя бы) на короткое время / (хотя бы) на несколько минут) к нам?*

Ср. также употребление сербского презенса СВ в более широком контексте (разг. яз.), в котором говорящий, поддразнивая адресата, бросает ему вызов, что добавочно подчеркивается наречием *мало*:

(38) [о. Небојша:] *Хвала Богу кад си ти тако паметан дошао на ПБФ, има одмах да процвета добродетельима. Што не дођеш мало на Конквистадор да покажеш знање, бадава се овде хвалиш. ('дођи / само дођи ако смеш!')* (<http://www.pouke.org/verujem/index.php?topic=3091.175;wap2> ; 18.09.2017)

Следует также отметить, что СВ (презенс СВ (перфективный презенс) = настоящее-будущее СВ) в приведенных примерах обладает не конкретно-фактическим значением, а значением, которое условно можно охарактеризовать как «нефактическое», или «потенциально-нерезультативное», так как актуальное настоящее (всегда связанное с моментом речи и подразумевающее имперфективность глагольного действия), на фоне которого реализуется данный тип высказывания с названным отсутствием действия-ситуации, не «покрывает» тако- го употребления СВ.¹⁴

¹⁴ Причины отсутствия значения актуального настоящего у формы презенса СВ в отрицательных вопросах первым более подробно и достаточно убедительно описал еще около ста лет назад известный синтаксист сербскохорватского языка А. Мусич, отметивший, что презенс СВ в данном случае не имеет значения настоящего, так как глагольное действие не совершается в то время, когда произносится вопрос, т.е. не совершается ни в какой момент времени, или не совершается вообще, просто потому, что вопрос сам по себе является абстрактным предложением (с конкретным субъектом-подлежащим), а кроме того, выполненные действия зависят от воли субъекта, вследствие чего такое употребление презенса СВ

Данный факт наглядно отражает основное правило видového (презентного) употребления, выдвинутое еще во второй половине XIX века Ф. Миклошичем в его компаративной грамматике славянских языков в качестве общего теста на имперфективность (актуальность) глагольного действия, т.е. правило, согласно которому на вопрос «*что ты здесь сейчас делаешь?*» можно ответить только имперфективным презентом, являющимся грамматикализированным выражением актуального настоящего. Это означает, что актуальное настоящее не сочетается с СВ (см. Miklosich 1926: 274–275; ср. Войводић 2000), в том числе и с презентом СВ. Следовательно, здесь налицо разобщенность действия с моментом речи (вследствие чего презент СВ не имеет значения настоящего актуального или будущего времени) и неопределенность времени завершения действия, так что можно говорить о нелокализованности действия в (грамматическом) времени.

Добавим еще, что компонент (4) в русском языке (т.е. в общем счете 5-й) можно истолковать как темпоральное употребление СВ с конкретно-фактическим значением («почему ты не придешь / не будешь приходить»), но лишь в том случае, если определенное лексическое средство или контекст (ситуация) в целом, в котором реализуется данное высказывание, указывает на определенный (локализованный) момент (период) в плане будущего, к которому относится употребление СВ, в результате чего, наряду с темпоральным значением, на первый план выступает каузальное значение, как, например, в следующих двух примерах:

(39) *Почему ты завтра не придешь?* («по какой причине не придешь?»)

(40) – *Давайте мысленно перенесемся в вечер 18-го октября. Где вы находитесь?*

– *В машине.*

– *Вам душно?*

– *Да.*

– *Почему не откроете окно?* («по какой причине не откроете?»)

– *Запах. Все газуют. И шум.*

[О. В. Овчинников. Жепь Ебрило (Про БКА) (http://fan.lib.ru/o/owchinnikow_o_w/text_0260.shtml); 12.07.2021]

Ср:

(40а) – *У вас тут душно что-то. Почему не откроете окно?* («откройте!»)

– *Сейчас открою. Вот! Теперь лучше?*

приобретает вторичное значение готовности / неготовности субъекта совершить глагольное действие (Musić 1913: 33); ср. также критические замечания, высказанные Дж. Грубором в ходе обсуждения затронутой проблематики в рецензии грамматики Т. Маретича (Grubor 1909: 122), а потом дополнительно (в другой его работе) более точно сформулированные: «Neg. pitanje kazuje da je mogućnost izvršenja [radnje] sadašnja, još nije prošla, ali samo izvršenje nije i ne može biti sadašnje» (Grubor 1953: 125–126). Подобной точки зрения придерживается и Ф. Копечный, который считает, что в побуждении того, кто колеблется совершить определенное действие, не может быть актуального настоящего (Корећу 1962: 235); ср. также: Танасић 1996: 169–170; Ivić 1997: 121–126; Войводић 2015б; 2015в; Војводић 2019: 19–22.

В данном случае лексическое средство (наречие *завтра* в примере (39)) и специфический контекст (перенос ситуации («воображаемого» действия) в прошлое, а также ответ, содержащий семантический компонент «причинности» в примере (40)) указывают на приведенное (каузально-темпоральное) употребление СВ с конкретно-фактическим значением.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренное употребление СВ (типа *Почему ты не придешь?*) обусловлено «апеллятивно-прескриптивной» ситуацией, совпадающей с моментом речи говорящего, а также и сочетанием с частицей *не* (синтаксическое условие), допускающей возможность использования глаголов как НСВ, так и (гораздо чаще) СВ.

Добавим, что вместо презенса СВ можно использовать и инфинитив с дательным падежом и частицей *би* (в рус. яз.) или сослагательное наклонение (в серб. яз.), но только с глаголами СВ¹⁵ в том же («апеллятивно-прескриптивном») значении; ср.:

(41) *Почему **би** тебе **не** прийти к нам?* ('приходи!')

(42) (Кад већ путујеш по свету), што **не би навратио** (мало) и до нас. ('наврати!')

Следует отметить, что употребление презенса СВ в отрицательном вопросе обусловлено не только ситуативным и синтаксическим, но и лексическим контекстом. Так, если наречие *почему* в примере (IV) заменить каким-либо другим лексическим средством, например вопросительной частицей *разве* (*неужели*), с помощью которой выражается проверка достоверности полученной говорящим информации и вместе с тем его удивление, вызванное этой информацией (Апресян 1995: 48–50, 193–194), или вопросительным наречием *зачем*, использование которого связано с признаком цели, то значение СВ будет совсем иное, или же отрицательно-вопросительное предложение-высказывание будет сконструировано неправильно (ср. Мостовая 2009; 2010). Например:

(I') *Разве ты не придешь?* (где реализуется глагольное действие с конкретно-фактическим значением СВ, локализованное в плане будущего). В сербском языке в данном контексте нельзя использовать презенс СВ; возможно лишь

¹⁵ Следует напомнить, что НСВ в подобных конструкциях в русском языке используется в вопросах о многократно повторяющихся действиях, напр. (1) *Нурек, Братск, Шелехов, Качканар – рабочие, трудовые города, а не курортная Венеция, это всем ясно. Но почему бы и здесь не устраивать красочные праздники, скажем, в день рождения города, пуска электростанции или завода?* (газ.), или в вопросах, повторяющих предшествующую реплику, напр. (2) [Геннадий:] *Просто я ей верю.* [Карташова:] *А почему бы ей не верить? Женщина всегда порядочнее вас* (А. Софронов), с оговоркой, что такие предложения означают вопрос о возможности, осложненный советом или утверждением (см. Святогор 1980: 393–394); данные ситуации передаются в сербском языке эквивалентом русского инфинитива с частицей *би* – сослагательным наклонением, напр. (1а) *А зашто се не би и овде приређивали живописни празници?*; (2а) *А зашто се њој не би вјеровало?* (ср. также употребление конструкции «да + имперф. през.» в том же значении: (2б) *А зашто да јој се не вјерује?*).

употребление футурума I СВ или отрицательной волюнтативной конструкции «*нећеш* (имперф. през.) + *да* + презенс СВ». Ср.:

(1'а) *Разве ты не придешь?*

(1'a₀) **Зар не доћеш?*

(1'a₁) (фут. I) *Зар нећеш доћи?* ('разве ты не придешь?')

(1'a₂) (волюнт.) *Зар нећеш да доћеш?* ('разве ты не хочешь прийти?')

Ср. также употребление НСВ в подобном контексте:

(1'б) *Разве ты не приходишь?*

(1'б) *Зар не долазиш?*

(1'в) *Разве ты не будешь приходить?* (1'в) *Зар нећеш долазити?*

Ср. также невозможность употребления наречия *зачем* в данном отрицательном контексте: **Зачем ты не придешь?* Семантика этого наречия, в противоположность семантике наречия *почему*, реализуется только в утвердительном контексте: *Зачем ты придешь?* Употребление СВ в контексте без отрицания, в котором единичное действие связано, в первую очередь, с признаком цели, результата (Падучева 1996: 57), реализуется будущее локализованное действие, а СВ имеет конкретно-фактическое значение.¹⁶ Следует еще добавить, что причинная семантика наречия-вопроса *почему* противопоставлена целевой семантике наречия-вопроса *зачем* и в плане темпоральной перспективы, так как первая связана с ретроспективностью (планом прошлого), а вторая – с проспективностью (планом будущего) (ср. Мостовая 2010).

2. Заключительный комментарий

Подводя итог вышесказанному о функционировании презентных форм СВ в отрицательном контексте в русском, сербском и других славянских языках, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эти формы отличаются проявлением специфичных модальных значений, а также дополнительными характеристиками, которыми употребление НСВ (имперф. през.) в том же контексте не обладает. Так, например, использование формы презенса СВ глагола *дать* (1-е л. ед. ч.) в диалогическом контексте, т.е. в невопросительной отрицательной реплике (высказывании), являющееся «общеславянской» чертой, выражает негативное (волюнтативное) содержание (*Дай!* – *Не дам!*), где совершение действия (вернее, сообщение о его невыполнении, соответственно об отказе / нежелании выполнить его) непосредственно связано с моментом речи, причем допускает-

¹⁶ Ср. также невозможность употребления (инфинитива) СВ в подобном утвердительном контексте (с дательным), выражающем негативное модальное содержание: *Зачем тебе приходить?* ('не приходи!' / 'не надо приходить!'); *Зачем мне приходить?* ('не хочу приходить!').

ся исключительно употребление СВ (презенса СВ), с оговоркой, что в севернославянских языках, в отличие от южнославянских, волонтактивное значение ('отказ') выражается и другими глаголами, как эксплицитно – волонтактивной модальной конструкцией (*хочу* + инф.), так и имплицитно – презентно-футуральной формой СВ, а также формой сложного (аналитического) будущего времени (НСВ), как это проиллюстрировано на материале русского (ср. примеры 19а–22а) и польского (ср. пример 22) языков; южнославянским эквивалентом такого употребления СВ и НСВ является модальная (волонтактивная) отрицательная конструкция (серб.) «*нећу / не желим + да + перф. / имперф. през.*» (ср. примеры 19–21, 22б).

Подобный «общеславянский» характер имеет и относительно часто встречающееся потенциальное значение данных форм, присущее севернославянским языкам (напр. русскому – *Зову – не дозовусь, кричу – не докричусь, жду – не дождусь* или *Я (никак) не пойму в чем дело*), а – в частности – и словенскому как южнославянскому языку (напр. *Ne pride več sama do zdravnika <je preslaba>*). В данном случае выражается (тоже в пределах момента / периода речи как неотъемлемой части актуального настоящего), как мы уже отметили, негативное содержание, а именно 'неудачная / безуспешная попытка выполнить действие / достичь определенного результата', т.е. выражение невозможности реализации действия, где СВ имеет неразултактивное и потенциальное значение ('я настоящего действия совершить не могу' / 'я (он) это действие неспособен выполнить' <несмотря на все усилия и попытки>).

Наряду со значениями волонтактивности и потенциальности отрицательных форм презенса СВ, характерными для всех славянских языков, в отрицательных «апеллятивных» высказываниях-вопросах типа (рус.) *Почему ты не придешь?* ('приходи!') / (срп.) *Зашто не дођеш?* ('дођи!'), реализующихся тоже в момент речи, выражается «общеславянский» синкретизм формы 2-го л. ед./мн. ч. презенса СВ, суть которого в том, что данный вопрос, наряду со значениями темпоральности (настоящее неактуальное) и побудительности (выражение позитивного содержания – приглашения / предложения совершить действие), воплощает в себе и значения причины невыполнения адресатом действия и его нежелания (косвенного, имплицитного) совершать это действие. Следует подчеркнуть, что вследствие «дезинтеграции» формальной семантико-синтаксической структуры (нейтрализации вопросительности, а вместе с тем и отрицательности) высказывания и параллельной трансформации его внутренней семантики, напоминающей, в определенной мере, вторичную номинацию, способствующую возникновению фразеологических структур, темпоральная составляющая (актуальное настоящее момента речи) становится лишь фоном для реализации модальных отношений (побудительности и волонтактивности), которые таким образом выступают на первый план. Специфика оформления предложений-высказываний данного типа состоит в том, что подлежащее-субъект (потенциальный, каузируемый производитель / исполнитель действия) в них отделен от действия и тем самым от своего предикативного признака, а также и в том что, в соответствии с этим, реализация каузированного действия зависит от реальной способности и воли того же (каузируемого) *ты*-субъекта. Таким образом, можно сказать, что рассмотренная модель высказывания пред-

ставляет не только косвенное выражение апеллятивной (конативной) и фатической (контактоустанавливающей) функций языка, но и сублимированное имплицитное языковое выражение коммуникативной целеустановки.

Добавим, что перечисленные значения презенса СВ всегда реализуются в пределах реальной модальности и настоящего актуального времени момента речи, т.е. в рамках презентно-футуральной перспективы и конкретных высказываний (речевых актов), опирающихся на контекст «hic et nunc», точнее на прагматико-дейктические компоненты *я – ты – здесь – сейчас – это*, неразрывно связанные со статическим аспектом пространственно-временных отношений и динамическими семантическими признаками когнитивного принципа «надкатегориальной локализации» и являющиеся, таким образом, референциальными категориями, которые всегда функционируют в тесном взаимодействии с другими референциальными категориями, в первую очередь с семантической категорией определенности / неопределенности.

Рассмотренные случаи употребления СВ, в частности формы презенса СВ (как его севернославянские грамматикализованные формы, так и его южнославянские неграмматикализованные формы), теряют темпоральные характеристики, и остается лишь (атемпоральная) нерезультативность действия, которая, в принципе, совпадает с «качеством действия» и вневременным характером глагольных форм, т.е. с понятиями, отражающими, по сути дела, специфику теоретико-грамматических взглядов выдающегося русского ученого К. С. Аксакова (1855) на категорию глагола, сыгравших значительную роль в последующих аспектуально-темпоральных исследованиях, способствовавших более глубокому изучению глагольного времени и вида и обогативших, таким образом, русскую и славянскую грамматическую мысль в целом.

В заключение отметим, что во всех приведенных типах видового противопоставления (а также в случаях непротивопоставления) решающую роль, наряду с лексическим значением глаголов и актуализацией их видо-временных форм, играют прагматические условия речевого общения (где особое место принадлежит коммуникативной целеустановке высказывания, с которой актуализация непосредственно и связана), т.е. контекст (как лексический и синтаксический, так и ситуативный).

Использованная литература

- Акимова, Татьяна Г. «Значение совершенного вида в отрицательных предложениях в русском языке». Вопросы языкознания 1, 1993: 75–86.
 [Akimova, Tat'iana G. «Znachenie sovershennogo vida v otritsatel'nykh predlozheniâkh v russkom iazyke». Voprosy iazykoznanîa 1, 1993: 75–86]
- Аксаков, Константин С. О русских глаголах. Москва: Типография Л. Степановой, 1855.
 [Aksakov", Konstantin" S. O russkikh" glagolakh". Moskva: Tipografiâ L. Stepanovoï, 1855]
- Апресян, Юрий Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.
 [Aprêsân, Iûriï D. Izbrannye trudy. T. II: Integral'noe opisaniè iazyka i sistemnaiâ leksikografiâ. Moskva: Shkola «Iazyki russkoï kul'tury», 1995]

- Арутюнова, Нина Д. «Фактор адресата». Известия АН СССР: Серия литературы и языка 40 (4), 1981: 356–367.
- [Arutiūnova, Nina D. «Faktor adresata». Izvestiia AN SSSR: Seriiā literatury i iazyka 40 (4), 1981: 356–367]
- Бабайцева, Вера В. «Синкретизм». [В:] Ярцева, Виктория Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990, 446–446.
- [Babaĩtseva, Vera V. «Sinkretizm». [V:] Iartseva, Viktoriia N. (gl. red.) Lingvisticheskiĩ enciklopedicheskiĩ slovar'. Moskva: Sovetskaiaĩ enciklopediia, 1990, 446–446]
- Барентсен, Адриан. «Об ограничительных временных союзах в сербском, русском и польском языках». Сборник Матице српске за славистику 71–72, 2007: 237–253.
- [Barentsen, Adrian. «Ob ogranichel'nykh vremennykh soiūzakh v serbskom, ruskom i pol'skom iazykakh». Zbornik Matice srpske za slavistiku 71–72, 2007: 237–253]
- Бахарев, Александр И. «Устойчивые синтаксические конструкции с отрицанием». Русский язык в национальной школе, 5, 1981: 13–16.
- [Bakharev, Aleksandr I. «Ustoichivye sintaksicheskie konstrukcii s otritsaniem». Russkiĩ iazyk v natsional'noi shkole, 5, 1981: 13–16.]
- Белић, Александар. „Историја српскохрватског језика. Књ. II, св. 2: Речи с конјугацијом”. [У:] А. Белић. Изабрана дела. Т. IV: Историја српског језика. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1999, 327–484 (Белић, Александар. Историја српскохрватског језика. Књ. II, св. 2: Речи с конјугацијом. 2. изд. Београд: Научна књига, 1962; 1. изд. 1951).
- [Belić, Aleksandar. „Istorija srpskohrvatskog jezika. Knj. II, sv. 2: Reči s konjugacijom”. [U:] A. Belić. Izabrana dela. T. IV: Istorija srpskog jezika. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1999, 327–484 (Belić, Aleksandar. Istorija srpskohrvatskog jezika. Knj. II, sv. 2: Reči s konjugacijom. 2. izd. Beograd: Naučna knjiga, 1962; 1. izd. 1951)]
- Бердник, Людмила Ф. «О значении вопросительных предложений с отрицанием “не”». Известия Воронежского пед. ин-та 207, 1980: 105–112.
- [Berdnik, Liūdmila F. «O znachenii voprositel'nykh predloženii s otritsaniem “ne”». Izvestiia Voronezhskogo ped. in-ta 207, 1980: 105–112]
- Бондарко, Александр В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). Ленинград: Просвещение, 1971.
- [Bondarko, Aleksandr V. Vid i vremia russkogo glagola (znachenie i upotreblenie). Leningrad: Prosveshchenie, 1971]
- Бондарко, Александр В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность-неопределенность. Санкт-Петербург: Наука, 1992 (РАН, Ин-т лингв. исслед.)
- [Bondarko, Aleksandr V. (otv. red.). Teoriiā funktsional'noi grammatiki: Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaia perspektiva vyskazyvaniia. Opredelennost'-neopredelennost'. Sankt-Peterburg: Nauka, 1992 (RAN, In-t lingv. issled.)]
- Бунина, Ирина К. Система времен старославянского глагола. Москва: Изд-во АН СССР, 1959 (АН СССР, Ин-т славяноведения).
- [Bunina, Irina K. Sistema vremen staroslaviānskogo glagola. Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1959 (AN SSSR, In-t slaviānovedeniia)]
- Войводић, Дојчил. „Волунтативна конструкција “хоћу/нећу + да + презент” у српском језику и њени еквиваленти у руском и польском”. [У:] Р. Шević, Т. Мihal (ur.) Kontrastivna jezička istraživanja / Zbornik radova V simpozijuma (Novi Sad, 9–10. decembar 1994). Novi Sad: Filozofski fakultet, 1996, 173–185.
- [Vojvodić, Dojčil. „Voluntativna konstrukcija “hoću/neću + da + prezent” u srpskom jeziku i njeni

- ekvivalenti u ruskom i poljskom». [U:] R. Šević, T. Mihal (ur.) Kontrastivna jezička istraživanja / Zbornik radova V simpozijuma (Novi Sad, 9–10. decembar 1994). Novi Sad: Filozofski fakultet, 1996, 173–185]
- Војводић, Дојчил. «Русский и сербско-хорватский перфективный презенс в сопоставительном аспекте». Зборник Матице српске за славистику 54–55, 1998: 119–147.
- [Voivodich, Doichil. «Russkii i serbsko-horvatskii perfektiivnyĭ prezens v sopostavitel'nom aspek-te». Zbornik Matice srpske za slavistiku 54–55, 1998: 119–147]
- Војводић, Дојчил. «Некоторые вопросы сопоставительной аспектологии в современной русистике и славистике». [В:] Б. Станкович (ред.) Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков / Сб. докл. V Междунар. симпоз. МАПРЯЛ (Белград – Ниш, 30 мая – 1 июня 2000 г.). Београд: Славистичко друштво Србије : Филолошки факултет, 2000, 167–175.
- [Voivodich, Doichil. «Nekotorye voprosy sopostavitel'noĭ aspektologii v sovremennoĭ rusistike i slavistike». [V:] B. Stankovich (red.) Sostoiãnie i perspektivy sopostavitel'nykh issledovanĭi russkogo i drugih iãzykov / Sb. dokl. V Mezhdunar. simpoz. MAPRIÁL (Belgrad – Nish, 30 maiã – 1 iuniã 2000 g.). Beograd: Slavističko društvo Srbije – Filološki fakultet, 2000, 167–175]
- Војводић, Дојчил. „O видско-временској „конкуренцији“ у српском и другим словенским језицима”. [У:] Б. Остојић (ур.) Пети лингвистички скуп «Бошковичеви дани» (Подгорица, 10–11. октобар 2002). Подгорица: ЦАНУ, 2003, 139–164. (Научни скупови, књ. 61, Одјелјење умјетности, књ. 22)
- [Vojvodić, Dojčil. „O vidsko-vremenskoj „konkurenciji“ u srpskom i drugim slovenskim jezicima”. [U:] B. Ostojić (ur.) Peti lingvistički skup «Boškovićeve dani» (Podgorica, 10–11. oktobar 2002). Podgorica: CANU, 2003, 139–164. (Naučni skupovi, knj. 61, Odjeljenje umjetnosti, knj. 22)]
- Војводић, Дојчил. «Об инфинитивных предложениях с субъектом в дательном падеже в русском языке и их эквиваленты в сербском и польском». Зборник Матице српске за славистику 71–72, 2007, 557–581.
- [Voivodich, Doichil. «Ob infinitivnykh predlozheniiãkh s sub"ektom v datel'nom padezhe v russkom iãzyke i ikh ãkvivalenty v serbskom i pol'skom». Zbornik Matice srpske za slavistiku 71–72, 2007, 557–581]
- Војводић, Дојчил П. Проблематика развоја футура и његове граматикализације у словенским језицима (с посебним освртом на ситуацију у српском, руском и польском). Второ, доп. изд. Русе [България]: Лени-Ан, 2014 (изд. 1-е 2012).
- [Vojvodić, Dojčil P. Problematika razvoja futura i njegove gramatikalizacije u slovenskim jezicima (s posebnim osvrtom na situaciju u srpskom, ruskom i poljskom). Vtoro, dop. izd. Ruse [B"lgariãã]: Leni-An, 2014 (izd. 1-e 2012).]
- Војводић, Дојчил. «К вопросу о функционировании славянского глагольного вида в отрицательном контексте». [In:] R. Benacchio (a cura di). Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context / Abstracts (Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists, University of Padua, Italy, September 30 – October 4, 2011); Глагольный вид: грамматическое значение и контекст / Тезисы (III Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов, Падуанский университет, 30 сентября – 4 октября 2011 г.). Padova: Università degli Studi di Padova, 2011, 83–84.
- [Voivodich, Doichil. «K voprosu o funktsionirovanii slaviãnskogo glagol'nogo vida v otritsatel'nom kontekste». [In:] Benacchio, Rosanna (a cura di). Verbal Aspect: Grammatical Meaning

- and Context / Abstracts (Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists, University of Padua, Italy, September 30 – October 4, 2011); *Glagol'nyĭ vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst / Tezisy (III Konferentsiia Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov, Paduanskiĭ universitet, 30 sentiabriã – 4 oktiabriã 2011 g.)*. Padova: Università degli Studi di Padova, 2011, 83–84]
- Войводич, Дойчил П. «Несколько замечаний о значении совершенного вида в отрицательном контексте». [В:] Е. А. Казеева, Е. А. Николаева (отв. ред.) Н. П. Огарев: историко-культурное измерение творческой личности / Сб. материалов Всероссийской науч. конф. с междунар. участием, посвященной 200-летию со дня рождения Н. П. Огарева (Саранск, 14–16 ноября 2013 г.). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та), 2013, 198–202.
- [Voĭvodich, Doĭchil P. «Neskol'ko zamechanii o znachenii sovershennogo vida v otritsatel'nom kontekste». [V:] E. A. Kazeeva, E. A. Nikolaeva (otv. red.) N. P. Ogarev: istoriko-kul'turnoe izmerenie tvorcheskoi lichnosti / Sb. materialov Vserossiiskoi nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posviashchenoi 200-letiiu so dniã rozhdeniã N. P. Ogareva (Saransk, 14–16 noiãbriã 2013 g.). Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta), 2013, 198–202]
- Войводич, Дойчил П. «Совершенный вид и отрицательный контекст: выражение отказа выполнить действие». [В:] Ю. А. Мишанин (отв. ред.) Русский язык в контексте национальной культуры / Материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, (Саранск, 21–23 мая 2014 г.). В 2 томах. Том 1. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015(a), 55–58.
- [Voĭvodich, Doĭchil P. «Sovershennyĭ vid i otritsatel'nyĭ kontekst: vyrazhenie otказа vypolnit' deĭstvie». [V:] I. A. Mishanin (otv. red.) Russkiĭ iãzyk v kontekste natsional'noi kul'tury / Materialy III Mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 200-letiiu so dniã rozhdeniã M. Iũ. Lermontova, (Saransk, 21–23 maiã 2014 g.). V 2 tomakh. Tom 1. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2015(a), 55–58]
- Войводич, Дойчил П. «Об общеславянском синкретизме презенса СВ в отрицательных вопросах». [В:] Д. Ю. Ильин (отв. ред.) Научное наследие академика В. И. Борковского и современная русская словесность / Материалы Международной научной конференции, посвященной 115-й годовщине со дня рождения акад. В. И. Борковского (Волгоградский государственный университет, 8–11 сентября 2015 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015(б), 85–93.
- [Voĭvodich, Doĭchil P. «Ob obshchესlavianskom sinkretizme prezensa SV v otritsatel'nykh voprosakh». [V:] D. Iũ. Il'in (otv. red.) Nauchnoe nasledie akademika V. I. Borkovskogo i sovremeniã russkaiã slovesnost' / Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 115-i godovshchine so dniã rozhdeniã akad. V. I. Borkovskogo (Volgogradskii gosudarstvennyĭ universitet, 8–11 sentiabriã 2015 g.). Volgograd: Izd-vo VolGU, 2015(b), 85–93]
- Войводич, Дойчил. «Славянский презенс-футурум совершенного вида в отрицательно-просительном контексте». [В:] Р. Бенакьо (ред.) Глагольный вид: грамматическое значение и контекст / Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context [Die Welt der Slawen: Sammelbãnde / Сборники, Bd. 56 (Hrsg. von P. Rehder und I. Smirnov)]. München – Berlin – Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015(v), 573–583.
- [Voĭvodich, Doĭchil. «Slavianskiĭ prezens-futurum sovershennogo vida v otritsatel'novoprositel'nom kontekste». [V:] B. Rozanna (red.) Glagol'nyĭ vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst / Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context [Die Welt der Slawen: Sammelbãnde / Sborniki, Bd. 56 (Hrsg. von P. Rehder und I. Smirnov)]. München – Berlin – Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015(v), 573–583]
- Войводић, Дојчил П. „О видско-временској синонимији и метафори у српском, руском и дру-

- гим словенским језицима”. Славистика XXIII/1, 2019: 11–44.
- [Vojvodić, Dojčil P. „O vidsko-vremenskoj sinonimiji i metafori u srpskom, ruskom i drugim slovenskim jezicima”. Slavistika XXIII/1, 2019: 11–44.]
- Гловинская, Майя Я. «Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм». [В:] Д. Н. Шмелев (ред.) Грамматические исследования (Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика). Москва: Наука, 1989, 74–146.
- [Glovinskaiâ, Maïiâ Iâ. «Semantika, pragmatika i stilistika vido-vremennykh form». [V:] D. N. Shmelev (red.) Grammaticheskie issledovaniâ (Funktsional’no-stilisticheskiï aspekt: Supersegmentnaiâ fonetika. Morfologicheskaiâ semantika). Moskva: Nauka, 1989, 74–146]
- Горбова, Елена В. (отв. ред.) Взаимодействие аспекта со смежными категориями / Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года). Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020.
- [Gorbova, Elena V. (otv. red.) Vzaimodeïstvie aspekta so smezhnymi kategoriâmi / Materialy VII Mezhdunarodnoï konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov (Sankt-Peterburg, 5–8 maïâ 2020 goda). Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gerfsena, 2020]
- Грубор, Ђуро. Аспектна значења / Посебни отисак из Рада ЈАЗУ, књ. 293 и 295. Загреб: ЈАЗУ, 1953.
- [Grubor, Ðuro. Aspektna značenja. Posebni otisak iz Rada JAZU 293 i 295. Zagreb: JAZU, 1953]
- Джоунс, Петер. «Философские и теоретические вопросы в исследовании дейксиса». [В:] А. В. Зеленщиков (отв. ред.) Актуализация предложения (в 2-х тт.). Т. 1: Категории и механизмы. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997, 82–123.
- [Dzhouns, Peter. «Filosofskie i teoreticheskie voprosy v issledovanii deïksisa». [V:] A. V. Zelenshchikov (otv. red.) Aktualizatsiâ predlozheniâ (v 2-h tt.). T. 1: Kategorii i mehanizmy. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1997, 82–123]
- Зализняк, Андрей А. «Презенс совершенного вида в значении “презенса напрасного ожидания”». [В:] В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). Москва: Наука, 1993, 275–279.
- [Zalizniâk, Andreï A. «Prezens sovershennogo vida v znachenii “prezensa naprasnogo ozhidaniâ”». [V:] V. L. Iânin, A. A. Zalizniâk. Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1984–1989 gg.). Moskva: Nauka, 1993, 275–279]
- Калинина, Алевтина А. Категория утверждения / отрицания в функциональных типах предложений в современном русском языке / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань: [Казан. (Приволж.) федер. ун-т], 2012.
- [Kalinina, Alevtina A. Kategoriiâ utverzhdeniâ / otritsaniâ v funktsional’nykh tipakh predlozheniï v sovremennom russkom iazyke / Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kazan’: [Kazan. (Privolzh.) feder. un-t], 2012]
- Карцевский, Сергей О. «Об асимметричном дуализме лингвистического знака». [В:] В. А. Звегинцев (сост.) История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. 3-е изд. доп. Москва: Просвещение, 1965, 85–90.
- [Kartsevskii, Sergeï O. «Ob asimetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka». [V:] V. A. Zvegintsev (sost.) Istoriâ iazykoznanii XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniâkh. Ch. II. 3-e izd. dop. Moskva: Prosveshchenie, 1965, 85–90]
- Климонов, Владимир Д. «Взаимодействие модальности и аспектуальности в современном русском языке». Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Филология 6 (2), 2011: 262–265.

- [Klimonov, Vladimir D. «Vzaimodeĭstvie modal'nosti i aspektual'nosti v sovremennom russkom iazyke». Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo: Filologiiâ 6 (2), 2011: 262–265]
- Маслов, Юрий С. «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке». Известия АН СССР: Отд. лит. и яз. 7 (4), 1948: 303–316.
- [Maslov, Iurii S. «Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom iazyke». Izvestiâ AN SSSR: Otd. lit. i iâz. 7 (4), 1948: 303–316]
- Маслов, Юрий С. Грамматика болгарского языка: Для студентов филол. фак. ун-тов. Москва: Высшая школа, 1981.
- [Maslov, Iurii S. Grammatika bolgarskogo iazyka: Dliâ studentov filol. fak. un-tov. Moskva: Vysshaiâ shkola, 1981]
- Маслов, Юрий С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- [Maslov, Iurii S. Izbrannye trudy: Aspektologiiâ. Obshchee iazykoznanie. Moskva: Iazyki slaviânskoĭ kul'tury, 2004]
- Мелиг, Ханс Роберт. «Вид, отрицание и референциальный статус предикации в тексте». [В:] М. Ю. Черткова (отв. ред.) Типология вида: проблемы, поиски, решения. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998, 289–304.
- [Melig, Hans Robert. «Vid, otritsânie i referentsial'nyĭ status predikatsii v tekste». [V:] M. Iu. Chertkova (otv. red.) Tipologiiâ vida: problemy, poiski, resheniâ. Moskva: Shkola «Iazyki russkoĭ kul'tury», 1998, 289–304]
- Мелиг, Ханс Роберт. «Коммуникативная функция общего и частного отрицания». [В:] Н. К. Онипенко (сост.) Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста / Сб. ст. к юбилею Галины Александровны Золотовой. Москва: УРСС, 2002, 232–241. (РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова)
- [Melig, Hans Robert. «Kommunikativnaiâ funktsiâ obshchego i chastnogo otritsâniâ». [V:] N. K. Onipenko (sost.) Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta / Sb. st. k iûbileiû Galiny Aleksandrovny Zolotovoi. Moskva: URSS, 2002, 232–241. (RAN. In-t rus. iâz. im. V. V. Vinogradova)]
- Мостовая, Лидия А. «Отрицание в предложениях с вопросительными словами *зачем* и *почему*». Русский язык в школе 7, 2009: 65–69.
- [Mostovaiâ, Lidiiâ A «Otritsânie v predlozheniâkh s voprositel'nyimi slovami *zachem* i *pochemu*». Russkii iazyk v shkole 7, 2009: 65–69]
- Мостовая, Лидия А. «Семантические особенности и иллокутивные функции конструкций с вопросительными словами “зачем” и “почему”» / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва: [Моск. пед. гос. ун-т], 2010.
- [Mostovaiâ, Lidiiâ A. «Semanticheskie osobennosti i illokutivnye funktsii konstrukt͡sii s voprositel'nyimi slovami “zachem” i “pochemu”» / Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva: [Mosk. ped. gos. un-t], 2010]
- Мостовая, Лидия А. «Факторы, способствующие ослаблению вопросительности *зачем*- и *почему*-конструкций». Филологические науки: Вопросы теории и практики 3 (10), 2011: 117–120 (www.gramota.net/materials/2/2011/3/35.html).
- [Mostovaiâ, Lidiiâ A. «Faktoiry, sposobstvuiushchie oslableniiu voprositel'nosti *zachem*- i *pochemu*-konstrukt͡sii». Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki 3 (10), 2011: 117–120 (www.gramota.net/materials/2/2011/3/35.html)]
- Падучева, Елена В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

- [Paducheva, Elena V. *Semanticheskie issledovaniia* (Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa). Moskva: Shkola «Iazyki russkoj kul'tury», 1996]
- Падучева, Елена В. «Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание». *Русский язык в научном освещении* 2 (10), 2005: 17–42.
- [Paducheva, Elena V. «Ėffekty sniatoj utverditel'nosti: global'noe otritsanie». *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* 2 (10), 2005: 17–42]
- Петрухина, Елена В. *Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований)*. Учебное пособие. Москва: МАКС Пресс, 2009.
- [Petruchina, Elena V. *Russkij glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvističeskikh issledovanij)*. Učebnoe posobie. Moskva: MAKS Press, 2009]
- Пипер, Предраг. „Обележавање просторних односа предлошко-падежним конструкцијама у савременом руском и савременом српскохрватском књижевном језику“. Прилози проучавању језика 13–14, 1977–1978: 1–51.
- [Piper, Predrag. „Obeležavanje prostornih odnosa predložko-padežnim konstrukcijama u savremenom ruskom i savremenom srpskohrvatskom književnom jeziku“. *Prilozi proučavanju jezika* 13–14, 1977–1978: 1–51]
- Пипер, Предраг. *Заменички прилози у српскохрватском, руском и пољском језику: (семантичка студија)*. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1988 (Библиотека Јужнословенског филолога, нова серија, књ. 8).
- [Piper, Predrag. *Zamenički prilozi u srpskohrvatskom, ruskom i poljskom jeziku: (semantička studija)*. Beograd: Institut za srpskohrvatski jezik, 1988 (Biblioteka Južnoslovenskog filologa, nova serija, knj. 8).]
- Плотникова, Ольга С. «Словенский язык». [В:] А. Г. Широкова, В. П. Гудков (ред.) *Славянские языки*. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1977, 289–332.
- [Plotnikova, Ol'ga S. «Slovenskij jazyk». [V:] A. G. Shirokova, V. P. Gudkov (red.) *Slaviânskie jazyki*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo un- ta, 1977, 289–332]
- Попович, Людмила. «Эксплетивное отрицание в конструкциях с союзом *poka* и его аналогом в сербском языке как переходное явление между отрицанием и аффирмативностью». [У:] Љ. Поповић, Д. Војводић, М. Нوماћи (ур.) *У простору лингвистичке славистике / Зборник научних радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера*. Београд: Филолошки факултет, 2015, 609–635.
- [Popovich, Liûdmila. «Ėkspletivnoe otritsanie v konstruktšiiâkh s soiûzom poka i ego analogom v serbskom iazyke kak perekhodnoe iâvlenie mezhdu otritsaniem i afirmativnost'iu». [U:] Lj. Popović, D. Vojvodić, M. Nomaći (ur.) *U prostoru lingvističke slavistike / Zbornik naučnih radova povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera*. Beograd: Filološki fakultet, 2015, 609–635]
- Святогор, Иван П. «Вопросительные предложения». [В:] Н. Ю. Шведова (гл. ред.) *Русская грамматика*. Т. II: Синтаксис. Москва: Наука, 1980, 386–396.
- [Sviâtogor, Ivan P. «Voprositel'nye predložheniâ». [V:] N. Iû. Shvedova (gl. red.) *Russkaiâ grammatika*. Т. II: Sintaksis. Moskva: Nauka, 1980, 386–396]
- Соколова, Ольга. «Императив *daïu* как маркер интенсификации иллокутивной силы в советском политическом дискурсе». *Зборник Матице српске за славистику* 99, 2021: 265–291.
- [Sokolova, Ol'ga. «Imperativ *daïosh* ' kak marker intensifikatsii illokutivnoï sily v sovetskom političeskom diskurse». *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 99, 2021: 265–291]
- Стаханова, Ирина Г. *Вопросительные предложения со значением побуждения в современном русском языке*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград: [ЛГУ им. А. А. Жданова], 1984.

- [Stakhanova, Irina G. Voprositel'nye predlozheniia so znacheniem pobuzhdeniia v sovremennom russkom iazyke. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Leningrad: [LGU im. A. A. Zhdanova], 1984]
- Стевановић, Михаило. Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнोजезичка норма). Књ. II: Синтакса. Београд: Научна књига, 1969.
- [Stevanović, Mihailo. Savremeni srpskohrvatski jezik (gramatički sistemi i književnojezička norma). Knj. II: Sintaksa. Beograd: Naučna knjiga, 1969]
- Танасић, Срето. Презент у савременом српском језику. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1996. (Библиотека Јужнословенског филолога, нова серија, књ. 12)
- [Tanasić, Sreto. Prezent u savremenom srpskom jeziku. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 1996. (Biblioteka Južnoslovenskog filologa, nova serija, knj. 12)]
- Тополинська, Зузана. «“Падеж” и “глаголски род” – две стратегије граматикализације односа између “предиката” и његових “аргумента”». Јужнословенски филолог LII, 1996: 1–9.
- [Topolinjska, Zuzana. «“Padež” i “glagolski rod” – dve strategije gramatikalizacije odnosa između “predikata” i njegovih “argumenata”». Južnoslovenski filolog LII, 1996: 1–9]
- Шатуновский, Илья Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- [Shatunovskii, Ii'ia B. Semantika predlozheniia i nereferentnye slova (znachenie, kommunikativnaia perspektiva, pragmatika). Moskva: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1996]
- Шелякин, Михаил А. Категория аспектуальности русского глагола. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008.
- [Sheliâkin, Mikhail A. Kategoriiâ aspektual'nosti russkogo glagola. Moskva: Izd-vo LKI, 2008]
- Abels, Klaus. “‘Expletive Negation’ in Russian: A Conspiracy Theory”. *Journal of Slavic Linguistics* 13 (1), 2005: 5–74.
- Akimova, Tatiana. “The perfective aspect and negation in Russian”. *Russian Linguistics* 16 (1), 1992: 23–51.
- Benvenist, Emil. *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1966]
- Dickey, Stephen M., Susan C. Kresin. “Verbal Aspect and Negation in Russian and Czech”. *Russian Linguistics* 33 (2), 2009: 121–176.
- Dočekal, Mojmir. “Negative Concord: from Old Church Slavonic to Contemporary Czech”. [In:] B. Hansen, J. Grković-Major (eds.) *Diachronic Slavonic Syntax: Gradual Changes in Focus*. Wiener Slavistischer Almanach, Linguistische reihe (herausgegeben von Tilmann Reuther), Sonderband 74. München – Berlin – Wien: Kubon & Sagner GmbH, 2009, 29–39.
- Forsyth, James. *A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge: University Press, 1970. (Studies in the Modern Russian Language, Extra Volume)
- Fortuin, Egbert. “On the Use of Dative Subjects in the Construction of Anteriority in Russian”. *Russian Linguistics* 30 (3), 2006: 321–357.
- Grubor, Đuro. Recenzija “Hrvatske ili srpske gramatike za srednje škole” od kr. univerz. prof. dra. T. Maretića (3. izd., Zagreb, 1906). Zagreb: Štampa Kr. zemaljske štamparije, 1909.
- Ivić, Milka. O Vukovom i vukovskom jeziku. 2., dop. izd. Zemun: Biblioteka XX vek – Beograd: Čigoja štampa, 1997.
- Kopečný, František. “Ke vzniku futurálního významu dokonavého prézentu”. *Acta Universitatis Carolinae, Philologica* 3: Slavica Pragensia IV, 1962: 233–239.
- Kosta, Petr. 2001. “Negace a větná struktura v češtině”. [In:] Hladká, Zdenka, Petr Karlík (eds.) *Čeština: univerzália a specifika 3 / Sborník konference v Brně 2000*. Brno: Masarykova univerzita, 117–138.
- Miklosich, Franc. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Band IV: Syntax /

- Manulneudruck der Erstaussgabe von 1868–1874 (Wien: Braumüller). Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1926.
- Musić, August. „Značenje perfektivnoga prezenta u negativnim pitanjima u hrvatskom ili srpskom jeziku”. Јужнословенски филолог I, 1913: 27–34.
- Paillard, Denis. “Aspect et modalité: (A propos de l’alternance perfectif / imperfectif dans les énoncés modaux)”. Revue des études slaves, LX/1 (Communications de la délégation française au Xe Congrès international des slavistes, Sofia, 14–22 septembre 1988), 1988: 65–76.
- Piper, Predrag. Jezik i prostor. Beograd: Čigoja štampa, 1997 (Biblioteka XX vek, 91) (2., dop. izd., 2001).
- Rassudova, Olga P. Aspectual Usage in Modern Russian. Moscow: Russky Yazyk, 1984.
- Růžička, Milan. “Some marginal notes on polarity and negation”. Brno Studies in English 25 (Sbornik prací filozofické fakulty brněnské univerzity: Řada S, anglistická 48/5), 1999: 43–57.
- Trnavač, Radoslava. Aspect and subjectivity in modal constructions. Utrecht [Netherlands]: LOT Publications, 2006.
- Van der Auwera, Johan. “On the diachrony of negation”. [In:] Horn, Laurence R. (ed.): The Expression of Negation. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2010, 73–101.
- Van Wijk, Nicolas. “Sur l’origine des aspects du verbe slave”. Revue des études slaves IX/3–4, 1929: 237–252.
- Veselinova, Ljuba. “Standard and Special Negators in the Slavonic Languages: Synchrony and Diachrony”. [In:] B. Hansen, J. Grković-Major (eds.) Diachronic Slavonic Syntax: Gradual Changes in Focus. Wiener Slawistischer Almanach, Linguistische reihe (herausgegeben von Tilmann Reuther), Sonderband 74. München – Berlin – Wien: Kubon & Sagner GmbH, 2009, 195–208.
- Voјvodić, Doјčil. „Upotreba perfektivnog prezenta u značenju sadašnjosti u ruskom, hrvatskosrpskom i ostalim slavenskim jezicima”. Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru 27 (17), 1988: 49–60.

Дојчич П. Војводић

О МОДАЛНИМ ЗНАЧЕЊИМА СВЕРШЕНОГА ВИДА У НЕГАТИВНИМ ИСКАЗИМА У РУСКОМ, СРПСКОМ И ДРУГИМ СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА

Резиме

У чланку се разматра функционисање свршенога вида у негативном контексту у руском, српском и другим словенским језицима. Посебна пажња посвећује се употреби перфективног презента са партикулом *не / ne / nie*. Анализира се његова употреба у потенцијалним значењима (‘неуспјешан покушај (немогућност) да се изврши радња / постигне одређени резултат’) у сјевернословенским језицима у негативним исказима попут (рус.) *Зову – не дозовушь, кричу – не докричусь, жду – не дождусь* (‘зовем – али не могу да дозовем, вичем – али не могу да “до-викнем”, чекам – али не могу да дочекам’), *Я этого не пойму* (‘ја то никако не могу да схватим’), или пак у словеначком типа *Ne pride več sama do zdravnika, je preslaba* (‘она не може више да сама дође код доктора јер је превише слаба’),

као и употреба у волунтативном значењу ('одбијање / неспремност да се изврши радња') у дијалогском контексту „општесловенског” типа (рус.) – *Дай мне этот карандаш! – Не дам!* / (срп.) – *Дай ми ту оловку! – Не дам!* и у исказима са формалним футурским облицима (у руском и пољском, а што је карактеристично за све сјевернословенске језике), као што је *Я не стану отпирать эту дверь и ни за что не войду туда / Ja nie będę otwierał tych drzwi ani tam nie pójdę*, чији је еквивалент у српском (и другим јужнословенским језицима), по правилу, модална (волунтативна) негативна конструкција „нећу / не желим + да + перфективни / имперфективни презент” (*Ja нећу да отворам / отворим та врата и нећу тамо да улазим / уђем*). Поред тога, у раду се разматра и „општесловенски” синкретизам перфективног презента у негативним „апелативним” исказима-питањима (са позивом да се изврши одређена радња) типа (рус.) *Почему ты не придешь?* ('приходи!') / (пољ.) *Dlaczego nie przyjdiesz?* ('przyjdź!') / (срп.) *Зашто не дођеш?* ('дођи!').

Експликацијом (семантичком анализом) наведених исказа аутор долази до закључка да се употреба свршеног вида не може свести на просту супституцију несвршеним видом јер свршени вид у датом случају не само да чува основно значење несвршеног вида већ и „обогаћује” читав исказ додатним, модалним (потенцијалним, волунтативним, прескриптивним или нецеситативним) значењима, која се не могу изразити употребом несвршеног вида. Резимирајући резултате свога истраживања, аутор наглашава да је употреба перфективног презента с негацијом у исказима, чија је реализација повезана са актуелном садашњошћу, односно са говорним тренутком, условљена не само ситуационим и синтаксичким већ и лексичким контекстом.

Кључне ријечи: свршени вид, негативни контекст, перфективни презент, партикула *не / не / nie*, модална (потенцијална, волунтативна, прескриптивна, нецеситативна) значења, актуелна садашњост, говорни тренутак, тачка одмјеравања, семантичка анализа, руски, српски и други словенски језици.